

народного хозяйства. В 1960 г. разница в зарплате работников образования и в промышленности составляла уже около 24 %.

Согласно данным свидетельства о смерти, Н. П. Курдюмов умер 22 июля 1956 года. Незадолго перед смертью он написал своим родным записку из больницы. Даже смертельно больной Николай Петрович не терял присутствия духа, имел интерес к жизни, просит купить ему еще одну книжку и передать продукты, к которым он привык с детства, которые были в зажиточных семьях до революции, но не водились в семьях колхозников. Он пишет:

«Здравствуйте, дорогие.

Я пока жив. Лиза, как обещала, должна была приехать вчера, но ее не было. А может быть будет сегодня или завтра.

Передаю вам кастрюльку и тарелку. Я сейчас почти ничего не ем, болею. Мне разрешается утром и вечером есть только сухое, а в обед кое-что с жидкостью, но все равно жажда мучает меня, и я кое-когда украдкой пью чай или воду.

Я просил бы вас, если можно, купить мне в ресторане или на базаре лимончик и хотя бы пару яблочек да кусочек колбаски и книжечку другую.

Всего хорошего. 11 января 1956 г.»

Как видим, смертельно больной человек хотел, чтобы ему купили не бог весть что, а фрукты, к которым он привык с детства. Мы не знаем, смогли родные исполнить его незначительную, но такую важную для Николая Петровича просьбу. В 1956 году ее выполнить было трудно. Цитрусы были дефицитом. Это сейчас они круглогодично лежат на прилавках магазинов. Непонятно почему советское правительство не стремилось закупать в тропических и субтропических странах эту сельскохозяйственную продукцию в достаточном количестве. Не такая уж эта продукция и дорогая. Думаю, что бюджет государства от этого не пострадал бы, а структура питания населения заметно бы изменилась. В царский период, по крайней мере, в городах цитрусовые продавались повсеместно. Видимо, увлеченность мировой революцией, направление бюджетных денег на военные нужды приводило к такому странному парадоксу: революцию делали для того, чтобы добиться социальной справедливости, повысить уровень жизни всего населения, но в некоторых аспектах не дотягивали даже до уровня потребления учителей дореволюционного периода. Одно только утешало, что эпоха всеобщей грамотности в стране наступила еще перед войной. Думали ли о таких парадоксах советской действительности наши герои повествования —